

УДК 323

«В ТЕСНОТЕ, ДА НЕ В ОБИДЕ»: ДИСКУРС ТЕСНОТЫ И ПРОТЕСТНЫЕ ПРАКТИКИ (зарисовки русской культуры)

Скиперских Александр Владимирович,

Научно-исследовательский университет,
Высшая школа экономики,
доктор политических наук,
профессор,
Пермь, Россия,
E-mail: avskiperskikh@hse.ru

Аннотация

В рамках данной работы нас интересует вопрос производства протестной культуры в специфических пространствах, где актуализирует своё творчество человек протеста. На ряде сюжетов, относящихся к русской культуре, мы постараемся показать, как протестное поведение выступает следствием физической тесноты пространства, либо, наоборот, содержит в себе стремление к уединению и рационализации. Тесные пространства в культуре, с одной стороны, привлекают человека, чувствуящего их тёплую энергию, но, с другой стороны, наоборот, выталкивают человека из них, высвобождая его. С точки зрения автора, русская культура, отчасти, может быть определена как культура, производимая в условиях тесноты – всевозможных регламентаций, ограничений, дефицита. Автор пытается определить, как дискурс тесноты оказывает влияние на продукты русской культуры.

Ключевые слова:

бунтующий человек, власть, дискурс, культура, протест.

Поведение человека предопределяется культурным контекстом, в рамках которого человек производит собственный культурный продукт. В полной мере это связано и с отношениями власти. Ни одна культура не исключает необходимость сопротивления самой власти, определённым образом располагая человека к протестным действиям. Как когда-то отмечал М. Фуко, «никакая власть не способна сделать восстание полностью невозможным» [18, с. 16].

В данной статье нас интересует пространство, в котором функционирует сопротивление, вырабатывая актуальный протестный текст. Ряд сюжетов, используемых автором, определённо свидетельствует о неких пространственных закономерностях производства протестного действия. К числу их автор может отнести тесноту, выступающую физической спецификацией конкретного пространства.

Казалось бы, физические характеристики пространства в России не должны

актуализировать вопрос о стеснённости и зажатости человека. Наоборот, простор должен освобождать и предоставлять дополнительные возможности для творчества, для реализации смелых планов. Но именно в этом и отмечается некая парадоксальность. Широта и простор в контексте русской культуры почему-то не актуализируют в человеке страсти к обретению публичности. Наоборот, простор предполагает сосредоточение в себе, группирование в максимально компактном пространстве. Стремление к тесному и тёплому месту заключает в себе некое преодоление специфического предначертания русской культуры, её физической широты и просторности, убегающего горизонта, стояния на сильном ветру. В 1903 г. К. Победоносцев признается Д. Мережковскому: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» [5, с. 16].

Сам факт производства протеста вне официальной культуры и на максимальной дистанции от публичных пространств изначально задаёт «тесные» координаты хронотопам протеста. В русской культуре, как правило, это может быть комната, переулочек, лестница, лестница, чёрный ход. В подъездах поджидают свою жертву русские бомбисты – народовольцы. Через подъезды можно убежать от преследования. Преодоление проходных дворов и подъёмов/спусков по чёрным лестницам учащает их дыхание. Теснота данных хронотопов оказывается спасительной для человека протеста, потому как позволяет ему сохранять свою анонимность. Как отмечает норвежский антрополог Ф.С. Нильсен, «неуправляемая сфера дворов доминирует во многих городах в России» [12, с. 55]. Вспомним, как умело использует проходные дворы и подъезды Санкт-Петербурга герой С. Бодрова в фильме «Брат».

Обращение к ряду текстов русской культуры показывает выстроенную зависимость тесноты пространства и положения самого человека, оказывающего достаточно подчинённым, что и вызывает в нём скрытное

и бережливое существование. Данная зависимость не может не проецироваться и на саму культуру, приобретающую «крепостной» характер. На наш взгляд, это обстоятельство объясняет те или иные поведенческие выборы, происходящие в самой культуре. Именно с этим обстоятельством и может быть связано отсутствие возможности возразить и публично противопоставить себя – системе. Молчание как раз и связывается с излишней бережливостью и экономностью бытия – неизбежных спецификаций тоталитарной культуры. Бунтаря выдворяют на периферию, в азиатскую степь, лишая его возможности присутствовать в крупных городах, дабы не распространять крамольный вирус в сознание своих последователей и широких масс. Случай О. Мандельштама с его ссылкой в 1934 г. в Чердынь и Воронеж, здесь, является более чем показательным. Санкции системы необратимы, и страх их способствует воцарению ледяного молчания. Культура начинает молчать, не комментировать, соглашаться и одобрять. Возможно, именно это и имел в виду и английский политический философ И. Берлин, когда определял русскую культуру, как «молчащую» в целом [3]. Конечно, к молчащей культуре могли быть отнесены и довольно крупные и сильные фигуры, но соглашательская позиция в отношении власти на фоне раздавленных и распятых репрессивной машиной видных деятелей культуры и науки, моментально снижает их гуманитарное и миротворческое значение.

Само существование человека в России, по словам З. Гиппиус, существование «связанное, с кляпом во рту» [6, с. 106]. В этом смысле показательна одна из акций российского художника-акциониста Петра Павленского, зашившего себе рот, тем самым, символизировавшего отсутствие свободы слова в современной России.

Случай России показывает, что человек оказывается в состоянии выбора либо продолжения сопротивления, либо заключения контракта с системой, превращения самого

себя в её соглядатая и исполнителя. Проблема в отсутствии компромиссных вариантов. Отсутствие большого количества «средних людей», о которых М. Пришвин напишет как о проблеме России, заставляет субъекта выбирать индивидуальный бунт в качестве наиболее вероятной жизненной траектории: «Вся беда России, говорил мне высокий чиновник, что нет средних людей. Средний человек – это существо, прежде всего удовлетворённое всей жизнью, и там, где концы её с концами не сходятся вообще и для всех, готовое подчиниться богу, начальству или закону» [14, с. 47].

Вместе с этим, «средние люди» как раз и отличаются повышенным чувством бережливости и осторожности, что как раз и заставляет их чересчур бдительно охранять свою культурную тесноту. Поэтому, если необходимость сопротивления будет периодически волновать их ум, то оно будет приобретать какие-то невероятно завуалированные формы, тяготеет к бытовому и производственному дискурсу. Но даже «среднему человеку» может быть периодически известно чувство разочарования своей жизнью, спрятанной от жизни окружающей. Показательна мысль А. Чехова, высказанная им в «Крыжовнике»: «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился». Как мы видим, периодически и «средний человек» в русской культуре может довольно трезво оценивать риски спокойного бережливого существования.

Сопротивление в русской культуре (имперской, тоталитарной, в целом, репрессивной) изначально обречено на некую компактность, на тесноту, человек протеста должен скрывать свои намерения, опасаясь разоблачения. Но, вместе с этим, он мечтает и о лучшей доле. Грёзы о лучшей жизни посещают

бунтующего человека в момент присутствия в пространстве, требующем незамедлительного улучшения.

«Заплеванная лестница пахла мышами, кошками, керосином и стиркой», – так описывает лестницу, по которой поднимается и спускается герой «Гранатового браслета» А. Куприна – чиновник контрольной палаты Желтков.

Вообще, хронотоп лестницы очень часто фигурирует в качестве пространства, в котором отмечает себя человек протеста в русской культуре. Исследователь текста «Преступления и наказания» С. Белов подсчитал, что Раскольников взбирается и спускается с лестницы 48 раз. Это подъёмы и спуски из своей чердачной комнаты на улицу, к Мармеладову, к квартире старой процентщицы, до полицейской конторы, до комнаты Сони [2].

Лестница – полноценное жизненное пространство. Достаточно вспомнить, как у О. Мандельштама: «Я на лестнице чёрной живу».

Каждый шаг человека протеста является своего рода испытанием – провокацией. Он практически не стоит на месте, вынужденный находится в постоянном динамическом поиске. Его психологическое равновесие, кажется, и заключается в постоянном движении «вверх» и «вниз», предваряемом долгим раздумьем, либо электрическим, внезапным устремлением.

Лестница представляется порогом, на котором принимается решение. Перед субъектом открывается несколько перспектив, связанных с выбором собственного движения. Как отмечает М. Бахтин, хронотоп «порога» «сочетается с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог)» [1, с. 397].

Порог ещё и черта, разделяющая два мира – два состояния температуры. Теплота дома противопоставляется холоду подъезда, равно, как и освещённость дома при откры-

тии двери вступает в конфликт с темнотой за пределами жилья.

Лестничный порог предваряет ещё и выход из светлого пространства в тёмное, и наоборот. «Узкая лестница ведёт в светлое помещение», – так обобщает И. Берлин свои впечатления от посещения Фонтанного дома, где ему придётся провести полную впечатлений и переживаний ночь в беседе с А. Ахматовой.

Преодоление тесноты означает попытку высвобождения из предопределённости, из сдавленности бытием. Протестующий против предначертанности бытия, против статичного положения, бунтующий человек притязает на свободу.

Казалось бы, бунтующий человек некоторое время терпел сложившееся положение и только в последний момент решился отказаться от сдавливающей его невыносимости бытия. Именно об этом напишет А. Камю в «Бунтующем человеке»: «Нередко бывало так, что он безропотно выполнял распоряжения куда более возмутительные, чем то последнее, которое вызвало бунт. Раб терпеливо принимал эти распоряжения; в глубине души он, возможно, отвергал их, но, раз он молчал, значит, он жил своими повседневными заботами, еще не осознавая своих прав. Потеряв терпение, он теперь начинает нетерпеливо отвергать все, с чем мирился раньше» [9, с. 124].

По поводу этого момента достаточно примечательно вопрошание французского философа А. Глюксмана: «какой гарантией обладает хозяин, что раб при первом же случае не сбежит или не взбунтуется?» [7, с. 96].

Феноменология отношений власти и сопротивления достаточно красноречиво выражается в различных детализациях власти/подчинения. Власть и сопротивление всегда следуют друг за другом, притязая друг на друга, причём, претензия и одной стороны, и другой стороны, зачастую, раскрывается в необходимости обладания большим пространством для манёвра. Сложность взаимодействия между властью и её ропотливым визави от-

чётливо представляется в постоянной борьбе за независимую позицию. В этом смысле, положение подчинённого всегда предполагает преодоление тесноты, превозмогание сжатого, стеснённого состояния.

В политическом дискурсе современной России становится популярной метафора «вставания с колен», связывающаяся с самостоятельной политикой России на международной арене, и преодолением национальных унижений 1990-х гг. Вместе с тем, метафора «вставания с колен» по умолчанию признаёт подчинённое положение человека, предшествовавшее периоду вставания. Действительно, в позе стояния на коленях закодирована мольба и пощаде и величайшая милость в отношении того, волею которого над головой стоящего на коленях заносится карающий меч. Переход в позицию «стояния», по справедливому замечанию австрийского философа Э. Канетти, означает, что человек «горд тем, что свободен и не нуждается в опоре» [10].

В этом смысле, история русской культуры может быть историей борьбы за позицию, предполагающую более комфортные условия собственной объективации.

В русской культуре имеется достаточно сюжетов, чтобы оценить всю скромность бытовых условий человека, склонного к производству протестной культуры. Вспомним, как много для советской интеллигенции означало пространство кухни, на которой могли вестись жаркие споры об общественном устройстве. Хронотоп кухни является адекватным не только для времени хрущёвской оттепели, продолжаясь во времени брежневского застоя. Кухня является особым пространством и в коммунальной квартире, где пересекаются интересы жильцов, и, стало быть, поэтому, в ней так часто конфликтуют люди. Предметы спора варьируются от каких-то абстрактных вопросов и тем – до бытовых, вполне конкретизированных проблем. Кухня являлась неким альтернативным пространством для протестных объективаций.

Советская кухня не отличалась внушительными размерами, но это давало ей другое преимущество. Люди проникались особой чувствительностью друг к другу. В моменты тревоги и перед долгим расставанием люди притягиваются друг к другу. Данное состояние довольно чётко схватывается в русской поговорке: «В тесноте, да не в обиде». Теснота не важна, наоборот, важно, какой климат формируется между людьми, насколько доверительны отношения между ними.

Вспомним, как у О. Мандельштама:

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.

Теснота будет характерна не только для кухни. Тесное пространство с трудом вмещает в себя гостей. Гостеприимство – характерная черта русской культуры, проецирующаяся на повседневные практики.

Однажды В. Розанов выскажется в «Уединённом»: «У человека две ноги: и если снять калоши, положим, пятерым – то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечных калошек, что я сам дивился. Нельзя было сосчитать скоро» [16].

Важность прихожей как отправной точки диалога в русской культуре отмечает и А. Ремизов, как бы вторящий В. Розанову: «по русскому обычаю самые разговоры начинаются в прихожей. Под калошами» [15].

Образ тесноты жизненного пространства уже советского человека поразительно точно будет схвачен А. Родченко в фотографии «Прихожая», на которой нам предстают массивные, угловатые пальто и плащи на вешалке, фактически заполняющие весь коридор прихожей.

Циркулирование культуры в тесноте становится необходимой данностью, и даже копируется, ориентируясь на бывшие примеры. Наверняка, русская поэтесса И. Одоевцева, устраивая в Париже свои «междусобойчики», могла вспоминать поэтические вечера у Мережковских, проходившие в условиях

невероятной тесноты пространства, когда за чаем вокруг стола сидящие гости образовывали два кольца. Отсюда, и признания самой И. Одоевцевой в том, что в её «крошечной комнате за столом сидело по 18 человек, и никто не жаловался на тесноту» [13, с. 317].

Так уже выходит, что человек в русской культуре зачастую предрасположен к бытию в маленьких комнатках. Но является ли это основанием для артикуляции протестных действий? В каком-то смысле, да.

Вспомним, в каких стеснённых и оскорбительных для человека условиях жил Раскольников у Ф. Достоевского. Его место жительства больше напоминало шкаф, но только не квартиру. Отсутствие полноценной мебели, подчёркивающее невозможность принимать гостей, усиливает невыносимость бытия. Гости Родиона Романовича обычно не вмещались в его каморку полностью – кому-то приходится постоянно вести диалог, стоя в дверях. Ф. Достоевский неслучайно подчёркивает тесноту бытия своего героя.

Герои Достоевского – обитатели угловых, недорогих в стоимости аренды, комнат, само пространство которых обладает такой же угловатостью и странностью. Теснота в текстах Ф. Достоевского – это и «грязная прихожая ремонтируемой квартиры, в которой прятался Раскольников после убийства; ниша под лестницей, в которой притаился Рогожин, подстерегающий с ножом князя; сам рогожинский дом с наглухо задёрнутыми тяжёлыми шторами окнами; его спальня, на кровати которой лежит труп Настасьи Филипповны; каморка Ипполита; дача Лебедева» [11, с. 85].

Чиновник контрольной палаты Желтков – влюблённый герой «Гранатового браслета» А. Куприна живёт также в удивительно стеснённых условиях: Его «комната была очень низка, но очень широка и длинна, почти квадратной формы. Два круглых окна, совсем похожих на парходные иллюминаторы, еле-еле ее освещали. Да и вся она была похожа на кают-компанию грузового парохода. Вдоль одной стены стояла узенькая кровать,

вдоль другой очень большой и широкий диван, покрытый истрепанным прекрасным текинским ковром, посередине – стол, накрытый цветной малороссийской скатертью». В подобном интерьере живёт любящая, страдающая натура, поэтому со временем, жизнь в подобных условиях становится невыносимой.

Как правило, в довольно стеснённых условиях живут и прогрессивные студенты. Вспомним, как герой «Подвига» В. Набокова – Мартын, биографический опыт которого очень напоминает опыт самого автора, греется в своей холодной студенческой комнате у камина, проглатывающего номера газеты «Таймс». Газета вылетает в каминную трубу, рассыпаясь в туманном городе блестящими искрами и обращая внимание полисмена. Эмигрантская судьба В. Набокова вряд ли может не вписывать в себя практики сопротивления новой власти, и отсутствия стремления выстраивать с ней какой-либо диалог.

Бунтующему человеку часто приходится менять место жительства. В этом случае, все варианты жилья оказываются адекватны друг другу, но это ни в коем случае не обнуляет протестный потенциал самого субъекта.

Воронежская знакомая О. Мандельштама по периоду его ссылки 1936 г. – Н. Штемпель вспоминает незатейливое убранство одной из съёмных квартир поэта, где ему пришлось некоторое время жить со своей женой: «Две комнаты, стол, какой-то нелепый чёрный шкаф и старая, обитая дермантином кушетка, которая стояла почему-то посреди комнаты. Так как стол был единственный, то на нём лежали книги и бумаги, стояли дымковские игрушки (их любила Надежда Яковлевна) и кое-какая посуда» [8, с. 58]. Необходимо отметить, что повседневная жизнь человека, продуцирующего протестную культуру, не предполагает окружения какими-то дорогостоящими предметами материального мира. Причём, начиная от самого места жительства, и заканчивая интерьерными

особенностями. Печально выглядит дом, который снимали Мандельштамы для дачного лета в г. Задонске в 80 километрах от Воронежа (теперь Липецкая область). Покосившийся дом с маленькой верандой, который вряд ли заинтересовал бы не то, чтобы состоятельных арендаторов, но и даже самых обыкновенных советских тружеников.

Подобная лаконичность и компактность бытия транслируется и на другие культурные продукты. Экономность бытия бунтаря чувствуется и применительно к современной России. Вспомним, на каких съёмных квартирах живёт в Санкт-Петербурге герой С. Бодрова в популярном фильме «Брат». Бытие человека, склонного к протестным объективациям лаконично и сдержанно, да и запросы у него изначально не являются чересчур завышенными.

Теснота имеет и температурное измерение. Получается так, что чем теснее, тем теплее. В тесноте скрывается особый мир – частный и экономный, противопоставляемый холоду публичного пространства, связывающемуся с непониманием и отчуждённостью. Теплота в помещении является производным определённой суммы человеческих усилий. Человек, накапливающий бунтарскую страсть в холоде, должен оттаивать в тепле. Частые перепады температур словно намекают о парадоксальности русского бунта.

Как однажды отметил М. Пришвин в своих «Дневниках»: «Морозы лютые с ветром стали вплотную и держат, месяц светит волчий. Берложная жизнь обняла, и утром душа моя как холодная печь: час целый сидишь возле печи, пока не нагреешь ее, и потом час целый сидишь, собираешься, пока, наконец, появится ощущение себя самого» [14, с. 124].

Вроде бы, в подобной обстановке должны жить достаточно добрые и кроткие люди. Натопленная печь, сладкий дымок, самовар, теплота и теснота, казалось бы, должны намекать на удивительную благость жизни, её уютную компактность, что следует проеци-

ровать и на самих обитателей подобных жилищ. Подобная обстановка должна выдавать в людях особое усердие, стремление к труду и преобразованию пространства для благочестивой, экономной жизни. Русская культура разворачивает нами некий парадоксальный опыт протестных объективаций. В самом характере русского человека скрывается парадоксальность, являющаяся тайной бунта, его таинственных истоков. Возможно, именно в этой обстановке и происходит обдумывание зловещих планов. Удивительная лёгкость, с которой он отказывается от определённой картины мира в пользу новой мировоззренческой схемы, вообще, амбивалентность, характерная для человека в России, по мнению некоторых социальных антропологов, может восходить «к русскому обычаю туго пеленать новорождённых месяцами, и только иногда давать им свободно двигаться» [12, с. 45]. Именно это, в дальнейшем, и способствует частым переходам от тёплого – к холодному в отношениях между людьми.

По этому поводу вспомним искреннее недоумение Л. Толстого в «Воскресении», как «самые кроткие по характеру люди, неспособные не только причинить, но видеть страданий живых существ, спокойно готовились к убийствам людей, и все почти признавали в известных случаях убийство, как орудие самозащиты и достижение высшей цели общего блага, законным и справедливым» [17, с. 386].

Показательно, что теснота в русской культуре, может выступать характеристикой не только приватного пространства, но и того пространства, где трудится индивид.

И если в западном дискурсе труда рабская зависимость от хозяина могла быть преодолима за счёт пространственных и экономических спецификаций самого места, в результате чего, как отмечает американский исследователь П. Колчин, работа могла связываться с находками или открытием чего-либо [19, с. 6], то в русской культуре, наоборот, пространство трудовой деятельности, несмотря на невероятные задачи, ставящиеся

перед молчаливыми исполнителями господской воли, как правило, отличается теснотой.

Можно представить, как могло быть невыносимо нахождение в производственном пространстве работникам блоковской фабрики, образ которой схвачен им в одноимённом стихотворении «Фабрика»:

В соседнем доме окна жёлты
По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты.

Труд в русской культуре – очень методичен и самозабвенен. Это невыносимая работа на собственное уничтожение на фабрике, описанное А. Блоком, это упрямое вкапывание в землю, её методическая разработка, имеющая цель производство котлована, как в одноимённом романе А. Платонова. Человек в России изначально отмечен необходимостью труда, несмотря на существование в русской фольклорной традиции героев-антиподов, прожигающих жизнь до поры до времени. О необходимости труда убедительно высказался М. Пришвин: «Нужно трудиться... В поте лица нужно копать землю... И когда устанешь, когда сломается лопата и руки повиснут» [14, с. 58].

Если рабочий класс (масса) занят трудоёмким процессом преобразования, то и интеллектуалы создают свой вклад в это преобразование. А. Блок в «Стихии и культуре» заметит, что «цвет интеллигенции, цвет культуры пребывает в вечном аполлиническом сне, или – в муравьином сне. Это – бесконечное и упорное строительство с пеной у рта, с падениями. Один сорвался – лезет другой, другой сорвался – лезет третий. И муравейник растёт. Завоевана земля и недра земли, море и дно морское, завоеван воздух, который завтра весь будет исчерчен аэропланами» [4, с. 356–357].

А. Блок противопоставляет людям науки и других людей – созерцателей и мистиков, бунт которых пульсирует внутри ровными, глубокими толчками. Теснота муравейника

приобретает как бы мистический, религиозный смысл, философское оправдание.

Человеку в русской культуре может казаться, что таком неустанном, бесконечном ходе и движении есть смысл, что необходимо переработать как можно больше породы, чтобы оставить задел будущим поколениям. Все инфраструктурные проекты (каналы, железные дороги и т. д.), связанные укрощением природы, в русской культуре грандиозны по своему характеру. Необходимо учитывать и тот факт, что их исполнителями могли являться обычные люди, заряженные какой-либо идеей о «котловане».

Как раз именно здесь содержится ещё одно отличие культурного контекста бунта. Если в западной традиции, восходящей к деятельности героев мифов, бунтующий человек притязает на природу в одиночку, намереваясь подарить результаты своих преобразований людям, то в русской культурной традиции, наоборот, человека *бросают* на природу. Тем самым, человек исполняет чью-то волю. Субъектом запроса на преобразование является не человек, а государственная машина. Природу укрощают с помощью обычного человека, продвигающегося вглубь природы по пояс в воде и ночуя на земляном полу. Большое количество отданных за это человеческих жизней не является чем-то обращающим на себя внимание, потому как власть понимает, что труд всегда репродуктивен в тоталитарной системе. Ценность человеческой жизни в России остаётся по-прежнему достаточно низкой. Большое количество отданных жизней за какой-то громкий проект попросту не вызывает эмоциональной реакции.

В данном смысле следует особо обратить внимание на культурный ландшафт, в котором формируется индивид. Следуя мысли М. Фуко, жизнь индивида с момента рождения «схватывается» властью, сопровождающей и контролирующей его на уровне его включения в различные социальные институты, что в конечном итоге и создаёт особую тесноту и невыносимость бытия. Несмотря

на тот факт, что жизнь человека распадается на хронотопы – места, где он расходует своё время, приобретая социальные и культурные навыки, способность коммуникации и переживания повседневности, каждый хронотоп отмечается властью. Её хватка не ослабевает даже в приватном пространстве, редуцируя ощущения сдавленности и тесноты. В то же время, при всех культурных ограничениях, человек преодолевает тесноту некоей возвышенностью мысли, творческим актом, ощущением близости с другим. В данном смысле, поговорка «В тесноте, да не в обиде» оказывается некоей оптимальной культурной рамкой, схватывающей важную проблему позиционирования человека в русской культуре.

Культура как бы дисциплинирует индивида, заставляя играть по правилам, сформулированным властью. Именно теснота ограничивает выборы индивида, рано или поздно актуализируя перед ним вопрос либо о продолжении зависимого существования, либо о преодолении сложившейся данности.

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

2. Белов С. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий» – Л.: Просвещение, 1979. – 240 с.

3. Берлин И. История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.

4. Блок А.А. Собрания сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. – М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – Т. 5. – Проза: 1903–1917 / Подгот. текста и прим. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. – 799 с.

5. Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Живые лица. Воспоминания [Текст] / З. Гиппиус. – Тбилиси: Мериани, 1991. Т. 1. – 398 с.

6. Гиппиус З. Петербургский дневник. – М.: Советский писатель, 1991. – 127 с.

7. Глюксман А. Достоевский на Манхэттене. – Екатеринбург: У – Фактория, 2006. – 224 с.

8. Гордин В.Л. Мандельштамовский Воронеж. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 53–60.

9. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. (Пер. с фр.) – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.

10. Канетти Э. Масса и власть. // <http://gtmarket.ru/>

laboratory/basis/5454/5464 (дата обращения: 24.12.2014).

11. Никольский С.А. Достоевский и явление «подпольного человека». // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 77–88.

12. Нильсен Ф.С. Глаз бури / Пер. с норв. яз. А. Ливановой и Е. Прохоровой. – СПб.: Алетейя, 2004. – 348 с.

13. Одоевцева И. На берегах Сены. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 333.

14. Пришвин М.М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Дневники, 1905–1954. – М.: Художественная литература, 1986. – 759 с.

15. Ремизов А. Кукха. Розановы письма. – СПб.: Наука, 2011. – 609 с.

16. Розанов В. Уединённое. // <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html> (дата обращения: 24.11.2014).

17. Толстой Л. Воскресение. – М.: Современник, 1977. – 461 с.

18. Фуко М. Восставать бесполезно? // Неприкосновенный запас. – № 5 (79). – С. 16–20.

19. Kolchin P. American Slavery. 1619–1877. – New York: Hill and Wang, 2003. – 328 p.

15. Remizov A. Kukha. Rozanovy pis'ma. – SPb.: Nauka, 2011. – 609 s.

16. Rozanov V. Uedinyonnoe. // <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html> (дата обращения: 24.11.2014).

17. Tolstoj L. Voskresenie. – M.: Sovremennik, 1977. – 461 s.

18. Fuko M. Vosstavat' bespolezno? // Neprikosnovennyj zapas. – № 5 (79). – S. 16–20.

19. Kolchin P. American Slavery. 1619–1877. – New York: Hill and Wang, 2003. – 328 p.

1. Baxtin M. Voprosy literatury i e'stetiki. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s.

2. Belov S. Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»: Kommentarij – L.: Prosveshhenie, 1979. – 240 s.

3. Berlin I. Istoriya svobody. Rossiya. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 544 s.

4. Blok A.A. Sobranij sochinenij: V 8 t. / Pod obshh. red. V.N. Orlova, A.A. Surkova, K.I. Chukovskogo. – M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury, 1962. – T. 5. – Proza: 1903–1917 / Podgot. teksta i prim. D.E. Maksimova i G.A. Shabel'skoj. – 799 s.

5. Gippius Z. Dmitrij Merezhkovskij // Zhivye lica. Vospominaniya [Tekst] / Z. Gippius. – Tbilisi: Merani, 1991. T. 1. – 398 s.

6. Gippius Z. Peterburgskij dnevnik. – M.: Sovetskij pisatel', 1991. – 127 s.

7. Glyuksman A. Dostoevskij na Manxe'ttene. – Ekaterinburg: U – Faktoriya, 2006. – 224 s.

8. Gordin V.L. Mandel'shtamovskij Voronezh. // Zhizn' i tvorcestvo O.E'. Mandel'shtama. Vospominaniya. Materialy k biografii. «Novye stixi». Kommentarii. Issledovaniya. – Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1990. – S. 53–60.

9. Kamyu A. Buntuyushhij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo. (Per. s fr.) – M.: Politizdat, 1990. – 415 s.

10. Kanetti E'. Massa i vlast'. // <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5454/5464> (дата обращения: 24.12.2014).

11. Nikol'skij S.A. Dostoevskij i yavlenie «podpol'nogo cheloveka». // Voprosy filosofii. – 2011. – № 12. – S. 77–88.

12. Nil'sen F.S. Glaz buri / Per. s norv. yaz. A. Livanovoj i E. Proxorovoj. – SPb.: Aletejya, 2004. – 348 s.

13. Odoevceva I. Na beregax Seny. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1989. – S. 333.

14. Prishvin M.M. Sbranie sochinenij v vos'mi tomax. T. 8. Dnevnik, 1905–1954. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1986. – 759 s.

UDC 323

«THERE IS ALWAYS ROOM FOR ONE MORE»: DISCOURSE OF NARROWNESS AND PROTEST PRACTICES (Sketches of Russian Culture)

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich,

National Research University,
Higher School of Economics,
Doctor of Political Science,
Professor of Humanities Department,
Perm, Russia,
E-mail: avskiperskikh@hse.ru

Annotation

In this work we are interested in the production of the protest culture in specific areas where data are updated by the creativity people protest.

On a number of subjects related to Russian culture, author shows how the protest behavior serves a consequence of the physical closeness of the space, or, on the contrary, contains a desire for solitude and rationalization. Cramped space in the culture, on the one hand, involve a person who feels warm their energy, but, on the other hand, conversely, are pushed human releasing it.

From the point of view of the author, Russian culture, in part, can be defined as the culture produced in crowded conditions - all kinds of regulations, restrictions deficit. The author tries to determine how the discourse tightness affects the products of Russian culture.

Key words:

rebel, power, discourse, culture, protest.